

В гостях у теток. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://seminvitaly.ru/> приятного чтения!

В гостях у теток. Виталий Николаевич Сёмин

Старухи давно уже ходят в больницы к родственникам и знакомым. Они давно обзавелись больничными белыми халатами, чтобы легче проходить внутрь, познакомились с врачами, узнали все больничные лазейки, например, пожарная лестница, которая ведет к окнам второго этажа, у них называется капитанским мостиком. Они поднимаются на этот мостик, когда в больнице карантин или неприятные дни, и разговаривают со своими больными через окно.

Старух четверо. Три сестры, у которых уже поумирали мужья, и четвертая, их подруга, у которой муж хотя и сильно болеет, но еще жив. Сильно болеет и младшая из сестер. Она простудилась еще в марте, вышла из дому в морозный день, шла в магазин против ветра, от слабости вспотела и глубоко дышала холодным воздухом. Ей приятно было так дышать, потому что изнутри ее всю хорошо холодило.

Она одна тогда выходила из дому. Старшая сестра, Зинаида Павловна, недавно вернулась из больницы после операции, а средняя, Александра Павловна, пришла навестить их, да так и осталась с гриппозной температурой на раскладушке. И Антонина Павловна закупала продукты, забивала ими холодильник – боялась: вот-вот заболит и она и некому будет пойти в магазин.

Потом за ней два раза приезжала «скорая помощь», а она все не хотела ехать в больницу. Хотя и врач был знакомый, и она сама понимала, надо ложиться. Раньше она охотно ложилась в больницу, верила врачам и вообще медицине. Она и сейчас верила, но у нее в первый раз появилось такое чувство, что она может не вернуться оттуда.

Уезжая, она огромными буквами написала старшей сестре напоминание, где надо искать книжки с квитанциями на газ и телефон, где квартирная книжка. Записку оставила на письменном столе, оставшемся от мужа; если придет газовщик или ревизор из домоуправления, Зинаида Павловна прочтет записку и все найдет. У Зинаиды Павловны сильнейший склероз, диабет, и к тому же видит она очень плохо. Операцию ей делали, чтобы снять бельмо в правом глазу. Зинаида Павловна удивляется – все видит своим оперированным глазом, но левый оперировать не хочет: сколько там жить осталось! После операции ей приходится беречься. Нельзя нагибаться, нельзя ничего поднимать, даже в комнате подмести нельзя, чтобы не было напряжения на глаз. И очков пока специальных нету, в ближайших аптеках стекол нет, в дальние ездить некому, вот и приходится писать ей огромными буквами.

Весь март и половину апреля сестры почти не виделись. В больнице был карантин, никого к больным не пускали, а выйти из дому, дойти до больницы и подняться по крутой лестнице на капитанский мостик Зинаиде Павловне не по силам. На капитанский мостик чаще всего поднималась подруга сестер – Анна Алексеевна. Два раза за эти полтора месяца Антонина Павловна умирала, потом кое-как выкарабкивалась и по несколько суток отлеживалась на койке, даже на записки отвечать не могла. Из больницы Анна Алексеевна шла к Зинаиде Павловне и говорила, что у Антонины все хорошо, только температура никак не спадает. Утром еще ничего, а к вечеру поднимается. Анна Алексеевна приносила Зинаиде Павловне продукты из магазина, а Антонине Павловне носила по ее просьбе то тарелочку свекольника со сметаной, то капусту «провансаль», то грибы. Зинаида Павловна как будто бы верила тому, что ей говорила Анна Алексеевна, но всем, кто спрашивал у нее, как здоровье сестры, она отвечала: «Плохо». Если ей звонили по телефону, она подолгу не отпускала трубку, рассказывала, как болеет Антонина Павловна, какое у нее давление, какая кровь, какие хрипы в легких, что дали последние анализы. «Очень плохо, – говорила Зинаида Павловна, – она держится только своим характером». И просила звонить почаще, потому что сама она телефонных номеров не помнит и прочесть в телефонной книжке не может, не видит.

К Первому мая Антонина Павловна была дома, к ней приходили знакомые, племянники, и она в десятый раз рассказывала одну и ту же историю о том, как умирала, как плохо себя чувствовала, как в первый раз испугалась больницы и все время хотела домой. Она и раньше была желтая, все никак не могла отойти после желтухи, которой переболела недавно, а тут совсем пожелтела, под глазами у нее образовались коричневые полукружья, но речь ее по-прежнему была жива и очень

В гостях у теток. Виталий Николаевич Семин seminvitaly.ru
подвижна. Она говорила о себе с удивлением и каким-то вызовом:

– Больные уходят из палаты, а я ведь все вижу, уходят – это значит, я кончаюсь. А я своей температуры не слышу: воздух в палате перегретый, форточки закрыты...

И она враждебно говорит о своих соседках по палате, из-за которых форточки были закрыты. И враждебнее всего о тех, кто за это время умер.

Потом она рассказывает, как рвалась домой и ее бы отпустили, если бы не температура. В палате тоска. Девять больных, свет тушат рано. Тем, кому плохо, все равно, чем скорее потушат, тем лучше. Но выздоравливающим хоть в петлю. В восемь потушат свет, форточки закрыты, дышать нечем. Спать еще рано, и думай, думай, думай. А о чем думать, если знаешь, что уже все позади и неуклонно катишься в яму, которую скоро выкопают для тебя?

Приходили новые родственники и знакомые, и она опять повторяла, как пошла в магазин, как глубоко дышала холодным воздухом, как набирала продукты, потому что Зинаида Павловна больна, никуда не годится и только она одна могла что-то сделать, как писала огромными буквами Зинаиде Павловне, где лежит газовая, где телефонная книжка, но Зинаида Павловна, конечно же, все перепутала, все потеряла и, когда потребовалась телефонная книжка, никак не могла ее найти.

Зинаида Павловна сидит тут же и в десятый раз с интересом слушает эту историю и кивает в подтверждение. У нее тоже есть что рассказать, она недавно перенесла операцию на глазе, но о себе она молчит, сейчас это никому не интересно, и рассказывает только о том, что как-то дополняет историю младшей сестры. Зинаида Павловна рассказывает, как она готовилась встретить сестру дома, как задумала сделать в комнате перестановку, чтобы поставить кровать так, как она сейчас стоит. К старости Зинаида Павловна как будто хуже стала говорить по-русски, в речи ее звучит какой-то странный немецкий акцент. Она говорит: «Я имею себе... если я уронила что...» Говорит она длинно и все время невпопад. Это у них такие отношения с младшей сестрой – что бы ни сказала Зинаида Павловна, все будет так, будто она перебила Антонину Павловну и сказала невпопад. И сейчас эти отношения потихоньку восстанавливаются, но все же пока и сама Антонина Павловна с интересом слушает, что уже в десятый раз рассказывает старшая сестра. Скучно только племянникам, они редко появлялись у больной тетки на капитанском мостике и сейчас ждут случая, чтобы уйти поскорее. Но пока они сидят, Зинаида Павловна рассказывает.

События с ней произошли микроскопические, но усилий и переживаний они потребовали от нее многих. Как большие события в мире молодых и здоровых людей. Мир этот она уже забыла, забыла системы его отсчетов и потому подробно-подробно объясняет, как ей пришла в голову мысль переставить кровать, как она поджидала, чтобы кто-то прошел по лестнице мимо квартиры, чтобы выйти и позвать его на помощь. Как услышала голоса мужчин и вышла на лестничную клетку, как ловко сказала этим мужчинам, которые что-то такое говорили: «Я преграждаю вам дорогу», – как мужчины вошли в комнату и все сразу поняли и переставили и стол, и кровати и стул, и все это так легко, мужчины же. И в том, что она так говорит о мужчинах, что она так остановила их, раскрыв руки, как для игры или для объятий, есть что-то такое, что кажется молодым племянникам жалким и смешным. Она, конечно, шутит, но они глядят на ее серьезное лицо, на лысину под тонкими волосами и думают: нельзя же так шутить.

Дверь на балкон открыта, и в комнате пахнет асфальтовой пылью и акацией. Собственные комнатные запахи не сильны, хотя комната уже старая, со старыми паркетными полами, старым высоким буфетом, старым обеденным и письменным столами – старухи чистоплотны, и хотя они здесь едят и спят, пахнет в комнате паркетной мастикой и сдобным тестом. И еще немного удушливым резиновым запахом кислородных подушек, и еще свежей марлевой занавеской, к низу которой привязан старый чугунный утюг, чтобы ветер из открытой балконной двери не так ее трепал. Из-за демонстрации троллейбусы и автомобили по улице не ходят, и потому в комнату очень ясно доносятся детские и женские голоса и шаркающие пешеходные звуки. Иногда все эти звуки покрывает духовой оркестр или даже несколько небольших духовых оркестров. Парад идет на площади, а здесь демонстрация уже растекается по боковым улицам, и те, кто несли плакаты и транспаранты, стараются отделаться от них, сбрасывают их на грузовики, едят мороженое, а оркестры играют только краковяки или русские плясовые, и очень слышно, что играть в таком темпе духовому оркестру не по силам. Трубы рвякают, запаздывают, сбиваются с ритма.

Племянники часто выходят на балкон, курят, оглядывают тех, кто стоит на соседних балконах. Племянникам скучно, они плохо знают друг друга, видятся только по таким вот праздникам, когда сходятся у теток, чтобы посидеть часа два за праздничным столом. Их еще до войны приводили сюда, на этот балкон, чтобы показать им демонстрацию, чтобы накормить мясными и сладкими пирогами, которые здесь всегда отменно пекли, и они сами вот уже много лет ходят сюда по праздникам, водят жен и детей. Но теперь это уже чисто благотворительные визиты, потому что в комнате всё сильнее пахнет больницей, на письменном столе стоит фотография человека, который много лет был здесь хозяином, медная дощечка с монограммой которого до сих пор привинчена к входной двери, и вообще все в этой комнате напоминает племянникам о тех, кто часто здесь бывал и кого они заменили или, по крайней мере, должны были заменить в жизни.

Покурив, племянники возвращаются в комнату и слушают, как Антонина Павловна хвастается перед ними, молодыми:

– Но вы не думайте! Умирать я не собираюсь. У меня большие успехи. Вчера я уже выходила на балкон, а завтра собираюсь на могилу к Виктору. Потихоньку выйду, сяду на троллейбус и доеду. Четыре месяца я на кладбище не была, надо же посмотреть на могилку.

Племянники мрачнют, разговоров о смерти они не любят. Достаточно того, что все в этой комнате так или иначе напоминает о больнице или о смерти. Даже праздничный стол, накрытый белой скатертью, на которой, однако, ни одной винной или водочной бутылки, никаких острых закусок, лишь немного сыра, колбасы, жидкий чай да сдобы, которые старухи все-таки напекли.

– А нашу Александру Павловну, – говорит Антонина Павловна, указывая на среднюю сестру, – наградили. Дали ей ко Дню Победы грамоту и медаль. Она у нас воевала.

Александра Павловна – единственная из сестер, которая еще работает. Заметив, что речь идет о ней, она улыбается смущенно и вставляет в ухо маленький слуховой аппарат. Она догадывалась, о чем говорит младшая сестра, а теперь, поняв, что догадывалась правильно, быстро кивает:

– Да-да!

– Шура, – говорит ей Антонина Павловна, – зачем ты снимаешь свой аппарат, люди же у нас.

Александра Павловна смущается еще больше и говорит торопливо, чтобы побыстрее закончить неприятные объяснения на людях:

– Да ведь я же готовлю на стол.

И она уходит на кухню, благожелательно и смущенно улыбаясь племянникам.

– А правда ли, – спрашивает племянник, – что дяде Порфирию дали орден Ленина?

– Не знаю, – говорит Антонина Павловна. – Он приходил сюда три месяца назад. Ну, конечно, выпил все, что можно было выпить, занял у меня пять рублей: «Ну, – говорит, – сестра, дали мне орден Ленина. Не забыли Порфирия. А разве Порфирий мало сделал для победы?» Но с тех пор не приходил. И ордена у него никто не видел. Но сам он про орден уже всем рассказывал. И Анне Алексеевне тоже. Занял у нее пять рублей...

Племянники усмеваются. После войны дядя Порфирий был фигурой легендарной. Был, да весь сошел на нет. Когда-то, сразу после войны, он сидел за этим столом в расстегнутом кителе, на котором было столько орденов и медалей, что, прибавь к ним еще орден или снимки два, ничего и не заметишь, и сдержанно рассказывал (сдержанно потому, что никогда хвастуном не был, и потому, что всем мужчинам и женщинам, сидевшим за этим столом, было что рассказать), почему целых два года о нем не было никаких вестей. Он перед войной был профессиональным военным, жил с женой на границе и вместе с ней попал в окружение. Он и остался в белорусских лесах партизаном, был командиром небольшого партизанского отряда, потом начальником штаба большого. Потом опять воевал в регулярных частях и дошел с армией до Берлина, но что-то для него в партизанской войне навсегда осталось

В гостях у теток. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru особенно памятным и жутким. Там погибла его жена, там он после ее гибели никого не брал в плен – ни немцев, ни полицаев.

И ничего удивительного не было в том, что через двадцать лет, когда вспоминали многих, вспомнили и его и дали ему еще орден. Но за эти годы дядя Порфирий сильно изменился, поссорился с сестрами, у которых много раз занимал их старушечьи пенсионные деньги, научился говорить такую фразу: «Там, где проходил Порфирий, немцы и полицаи валились на землю», – и вообще стал вызывать опасения, которые всегда вызывают люди, постоянно пьющие, попадающие в какие-то скандалы, так что в орден не очень верилось.

Зазвонил телефон. Трубку подняла Зинаида Павловна.

– Дома, – радостно закричала она, – У нас дела идут хорошо. Приходите.

Она обернулась к Антонине Павловне и сказала:

– Генерал!

Но Антонина Павловна и сама уже догадалась. Она приподнялась на кровати, заторопилась:

– Передай! У меня большие успехи! Вчера и сегодня выходила на балкон.

Зинаида Павловна говорила в трубку:

– Тоня передает привет, – и кивала Антонине Павловне, – и воздушный поцелуй. Что у вас там за сношения, чтобы обмениваетесь воздушными поцелуями? Что-то у вас было. Ну-ну, не говорите, а я буду себе знать.

Генерал – это муж Анны Алексеевны. Генерала он получил еще в тридцатых годах. То есть документы на повышение в звании были на него посланы в Москву еще тогда. Григорий Афанасьевич был военврачом, хирургом, и еще он был признанным остряком, душой общества. В операционной для поднятия духа больных балагурил и рассказывал анекдоты, но какому-то человеку, которому он вырезал аппендикс, его анекдоты не понравились. Много лет о Григории Афанасьевиче ничего не было известно, потом он объявился поблизости от города, в небольшом районном центре, и Анна Алексеевна ездила к нему туда по воскресеньям. Позже он перебрался в город еще без разрешения на прописку, затем пришла реабилитация. Ему дали квартиру как бывшему военнослужащему и пенсию как демобилизованному полковнику. Года через три пенсия была еще повышена, потому что в Москве разыскались документы, в которых было сказано, что Григорию Афанасьевичу присвоено звание генерала.

Он сошелся с мужем Антонины Павловны и с мужем Зинаиды Павловны, приходил к ним играть в лото и в «девятку», опять острил и рассказывал анекдоты, читал старомодные стихи:

Писатель, если только он
Волна, а океан – Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Говорил: «Вот честное слово, ей-богу».

Три года назад он похоронил и мужа Антонины Павловны, и мужа Зинаиды Павловны и целыми днями, положив руки на палку, сидел на скамеечке среди пенсионеров в городском саду. Говорил: «Нет, до нового года я не доживу». Дожил.

«До лета я не дотяну».

Болезнь тяжело, путал имена знакомых, не узнавал Антонину Павловну и ее сестер. Прогонял их, прогонял врачей, называл их шарлатанами. Но так как он всегда был шутником и часто шутил грубо, то ни Анна Алексеевна, ни Антонина Павловна не знали, как к этому отнестись. Им казались подозрительными такие провалы памяти, им казалось, что генерал шутит.

Полгода он уже не приходил сюда, к старухам, не мог. Жене он сказал: «Все, больше я туда не дойду». Но вот теперь собрался дойти.

В гостях у теток. Виталий Николаевич Сёмин seminvitaly.ru
Он дошел. Проехал пять остановок на троллейбусе, два квартала прошел пешком и поднялся на третий этаж по лестнице. Когда вошел в комнату, заплакал. От усталости, оттого, что на улице май и духовые оркестры, оттого, что дверь на балкон открыта. Его успокаивали, но он и сам быстро успокоился. Он всегда здесь шутил, пошутил и на этот раз, назвал Зинаиду Павловну своей любовницей. Он уже перестал быть остроумным человеком. Должно быть, нервные клетки в мозгу отказывали ему. Но он помнил, что всегда был остроумен, что никогда не сдавался, и теперь тоже шутил. «Моя невеста», – говорил он, показывая на Зинаиду Павловну. Потом спросил Антонину Павловну:

– Тоня, как ты думаешь, кто из нас раньше умрет: ты или я?

Антонина Павловна побледнела.

– Ну что вы, Григорий Афанасьевич, – сказала она. – Конечно, я.

– Вот и я так думаю, – сказал генерал. Свежую марлевою занавеску надувало ветром, в комнате пахло сдобой, с улицы доносились обрывки песен – грузовики и автобусы уже увозили демонстрантов, где-то неумело трубил горнист; скоро должен был пройти первый троллейбус, но пока еще пешком был пройти первый троллейбус, но пока еще пешеходы шли во всю ширину улицы и шаркали подошвами об асфальт и смеялись, а Антонина Павловна опять рассказывала свою историю о том, как она заболела, как умирала в больнице, рассказывала ее специально для генерала, чтобы он не чувствовал только себя одного больным и приговоренным. Он был последний мужчина в этой компании старух, и они его очень жалели.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://seminvitaly.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!